

ярви и особенно богатую по содержанию и строго структуралистскую по способу подачи грамматику южносаамского диалекта Рёрус Кнута Бергсланда. «Саамский язык» Г. М. Керта — первая большая грамматика одного из восточносаамских диалектов — по праву займет свое место среди этих исследований, она представляет собой достойное дополнение общей картины саамоведения. Есть основание поздравить автора с окончанием многолетнего упорного труда и вместе с тем пожелать, чтобы у него была постоянно возможность к дополнительному изучению недостаточно известных кольско-саам-

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.1.11>

А. И. Туркин, Топонимия нижней Вычегды. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1971.

25 мая 1972 года на заседании Ученого совета Института языкознания Академии наук СССР научный сотрудник Коми филиала Академии наук А. И. Туркин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Топонимия нижней Вычегды». Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук профессор Б. А. Серебренников (Москва) и заведующая сектором удмуртского языка Удмуртского научно-исследовательского института, кандидат филологических наук доцент Л. И. Калинина.

Труд А. И. Туркина представляет собой монографическое описание коми географических названий бассейна нижней Вычегды, вернее, территории от Сыктывкара до устья Вычегды у г. Котласа. Эту территорию занимают два района Коми АССР и три района Архангельской области. На ней расположены 64 населенных пункта с коми-зырянским и русским населением.

Объем диссертации составляет 421 страницу. В предисловии (стр. 4—11) автор определил тему, цель и задачи исследования, указал материалы и источники, дал краткое изложение методики работы.

Главная задача диссертации заключается в следующем: критически рассмотреть литературу по топонимике Севера вообще и по коми топонимике в частности, установить закономерности адаптации коми

ских говоров. В объектах исследования недостатка нет: вспомним хотя бы, что одного из основных диалектов, бабинского, до сих пор еще совсем не касались и что по другим диалектам еще многое не отмечено. Особо следует пожелать, чтобы весь словарь кольско-саамских диалектов со всеми оттенками (не забывая обилия производных и принципов их образования!), а также топонимика были полностью собраны, пока еще имеются для этого возможности.

ТЕРХО ИТКОНЕН (Хельсинки)

названий в русской топонимической системе, определить лексико-семантические типы коми топонимов, наметить принципы наименования географических объектов, указать на место и роль каждого из принципов образования того или иного географического названия; провести этимологический анализ отдельных основ и формантов, а также выяснить принадлежность их к определенному языковому источнику, т. е. выделить этнолингвистические слои в коми топонимии. Соответственно работа разделена на четыре главы: 1. Закономерности адаптации коми топонимов русским языком; 2. Основные принципы номинации географических объектов; 3. Иноязычные топонимы на территории нижней Вычегды; 4. Этимологическая интерпретация формантов.

Основным частям работы предшествует развернутое введение, завершает ее заключение. К работе приложены список 4028 собранных автором топонимов (стр. 242—386), указатель сокращений (стр. 387—390), библиографический указатель использованной литературы (стр. 391—413) и восемь карт-схем, на которых показаны территория нижней Вычегды, коми топонимы на русской территории, русские топонимы на коми территории, прибалтийско-финские, угорские, волжские, а также гидронимические, микротопонимические и словообразовательные форманты (стр. 414—421).

Во введении (стр. 12—50) рассматриваются история исследования топонимии Севера и коми топонимии в том числе, а также основные источники (списки, словари различного характера) коми топонимии. А. И. Туркин подробно анализирует работы А. Х. Востокова, положившего начало изучению субстратной топонимии Севера, А. М. Шёгрена, М. А. Кастрена, Д. Европеуса, А. Каннисто, М. П. Веске, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевского, М. Фасмера, Я. Калимы, А. И. Попова, Б. А. Серебренникова, А. К. Матвеева и других, которые в какой-то мере касались финно-угорской топонимии Севера Европейской России или специально занимались топонимией северного края. Рассмотренный во введении материал приводит автора к заключению:

1. Изучение топонимии Севера Европейской части СССР имеет длительную историю. Выдвинутая А. М. Шёгренем гипотеза о финно-пермском происхождении субстратной топонимии Севера нашла и до сих пор находит убежденных сторонников. М. А. Кастрен, И. Н. Смирнов, М. П. Веске, А. Ф. Орлов, Я. Калима, А. И. Попов, А. К. Матвеев выделяли на Севере финнов, саамов и коми. Д. Европеус, А. Каннисто, Б. А. Серебренников — угров, А. И. Соболевский — индо-иранцев (скифов), М. Фасмер, кроме различных финно-угорских народов (прибалтийских финнов, саамов, пермян) — таинственных не индогерманцев, А. К. Матвеев находит и выделяет особых «северных финнов» марийского типа. Возникшая более столет тому назад проблема субстратной топонимии Севера до сих пор окончательно не решена.

2. Интерес к коми (коми-зырянским и коми-пермяцким) географическим названиям, а также к субстратной топонимии Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа зародился давно. Особого внимания заслуживают работы А. Ф. Теплоухова, И. Я. Кривошекова, В. И. Лыткина, А. С. Кривошековой-Гантман.

3. Сказочную чужь, обитавшую на Севере Европейской части СССР, разные ученые относили к разным народам. А. М. Шёгрен, М. А. Кастрен, М. П. Веске, А. К. Матвеев считали ее прибалтийскими финнами, Д. Европеус, А. Ф. Теплоухов, Б. Н. Вишневецкий — уграми, И. Н. Смирнов, И. Я. Кривошеков —

предками коми-пермяков, А. И. Соболевский — скифами.

В первой главе (стр. 51—98) говорится о коми компоненте в составе местных русских говоров, адаптации гласных и согласных, рассматриваются вопросы морфологической адаптации, дана этимологическая интерпретация топонимов коми-зырянского происхождения. На территории, ныне занятой русскими, диссертант выявил много коми местных наименований. Он установил исчезнувший коми-зырянский диалект и обнаружил определенный пласт его лексики, в настоящее время уже не употребляющийся в коми языке, а также описал некоторые его фонетические особенности. Материалы А. И. Туркина подтверждают предположение (Б. А. Серебренникова и некоторых других) о более широком распространении в прошлом коми населения на территории нижней Вычегды. Интересны наблюдения автора о былом взаимодействии исчезнувшего говора коми языка с русским местным говором, которое оставило следы в лексических заимствованиях и некоторых морфологических и синтаксических особенностях речи современного русского населения. А. И. Туркин определил, что исчезнувший коми диалект был близок к современным ниже-вычегодскому и удорскому диалектам. Этот эловый диалект имел закрытый *q*. В географических названиях сохранились слова, вышедшие из употребления: *ki* 'камень', *тич* 'кочка', *pan* 'широкий', *pas* 'место, район, поле', *šalim* 'галька' и другие. В выводах по этой главе автор отмечает, что русские (новгородцы) на северо-востоке России появились не позже XI в., а может быть, и раньше. Особенно интенсивными взаимодействиями коми с русскими стали в период заселения новгородцами Двинской земли (XII—XIV вв.). Это время нужно считать началом обрусения коми нижней Вычегды. Активные коми-русские языковые соприкосновения начались до отвердения шипящего *š* в русском языке, т. е. не позже XV в., до исчезновения *l* в середине и конце коми слова, т. е. не позже начала XVII в. — времени исчезновения закрытого *q* на данной территории. С XV—XVII вв. на нижней Вычегде происходила перекрестная колонизация русских и коми. Редкое коми население и вепсы

вплоть до Котласа, а может быть, и дальше, были ассимилированы русскими, русское и велское сравнительно редкое население на территории от с. Межог и выше, вплоть до верхней Вычегды, Сысоля и Лузы комизировалось.

Вторая глава (стр. 99—172) посвящена анализу внутренней формы, смыслового значения коми топонимов, семантической классификации топонимов, выяснению основных принципов номинации географических объектов. Эта часть работы, как отметили и официальные оппоненты, особенно удалась автору. Различные принципы номинации излагаются с привлечением очень большого фактического материала.

Все топонимы, имеющиеся в его распоряжении, диссертант делит на две группы: топонимы, отражающие непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, и топонимы, отражающие опосредствованную связь географических объектов с деятельностью человека. Первая группа включает названия, в основу которых легли признаки самих реалий, а также названия, не связанные с каким-то реальным признаком самого объекта, а данные ему по ассоциации с предметами быта, действиями человека. Во вторую группу вошли названия, в основе которых лежит тот или иной признак самой реалии, о чем топоним хотя и информирует, но не указывает на то, как объект связан с человеком, для чего он ему служил; можно лишь предполагать возможное применение признака, положенного в основу наименования, в практической деятельности человека.

Среди топонимов первой группы А. И. Туркин выделил 15 подгрупп. Сюда отнесены местные наименования, образованные от антропонимов (личных имен, патронимов, прозвищ, фамилий), этнонимов: *Рочвад* 'русское озеро', *Сьоранты* 'зырянское озеро', *Чуднюр* 'чудское болото', *Яраншор* 'ненецкий ручей' и т. п.; названий, связанных с ремеслами жителей: *Дяквидз* 'луг дякона', *Кõнвалшор* 'ручей коновала'; названий, образованных от наименований домашних и диких животных: *Кõчвидз* 'заячий луг', *Мõсвад* 'заболоченное коровье озеро' и т. п.; названий, образованных от наименований птиц:

Байдõгшор 'куропачий ручей'; *Ракавидз* 'вороний луг' и т. д.; названий, образованных от наименований рыб, насекомых, червей и т. п.: *Гычты* 'озеро Карася', *Ракшор* 'ручей, где водились раки' и т. д.; названий, образованных от географических терминов: *Вадвис* 'проток болотистого озера', *Ягвыв* 'место на бору' и т. д.; названия, возникшие после Великой Октябрьской революции: *Гидродин* 'место у строительства гидроэлектростанции', *Трасатуй* (букв.: дорога-трасса) и ряд других.

Топонимы второй группы, которые чаще всего являются ориентирами на местности, диссертант делит на шесть основных подгрупп: топонимы, указывающие на различные признаки объектов: *Еджыдты* 'белое озеро', *Сьõдвад* 'черное болотистое озеро', *Косвад* 'мелководное болотистое озеро', *Кузьвад* 'длинное болотистое озеро' и т. п.; топонимы, указывающие на оценочные признаки: *Важму* 'старое поле', *Выльгорт* 'новый дом, новое поселение'; гидронимы, указывающие на акустическое впечатление от текущей воды: *Борганоис* 'журчащий проток', *Жборганшор* 'журчащий ручей'; гидронимы, указывающие на расположение относительно своего истока или русла: *Динты* 'озеро в устье (реки)', *Йивты* 'озеро в истоке (реки)'; топонимы с числовыми показателями в качестве ориентира: *Кыквад* 'два болотистых озера', *Куимвожа* (букв.: с тремя ответвлениями); топонимы, образованные путем сравнения с другими предметами, метафорические названия: *Брагашор* (букв.: брагаручей, т. е. пенистый ручей), *Пекляшор* (букв.: петля-ручей, т. е. извилистый ручей), *Гõрбаты* (букв.: горбатое озеро, т. е. озеро с холмом).

В третьей главе (стр. 173—206) анализируются иноязычные топонимы на территории нижней Вычегды. С помощью методов изучения субстратной топонимии, а также этимологического, лингвистического и структурного анализов автор выделил четыре топонимических пласта: русский, прибалтийско-финский, угорский и волжский.

Возникновение топонимии русского происхождения на нижней Вычегде тесно связано с русской колонизацией края (XI в.). Основной торговый путь в Зауралье и Югру, издавна известный новгородским промышленным людям, шел с Двины по

Вычегде, Выми и рекам печорского бассейна. Русские заимствования в говоры аборигенов стали проникать с XI в. С середины XIII в. Пермь и Печора неизменно входили в список новгородских волостей. Основная масса заимствований из русского языка в коми проникла уже в постлестефановское время (XIV—XV вв.), в период интенсивной русской колонизации низовьев Вычегды. Наряду с рассмотрением собственно русской топонимии на нижней Вычегде автор касается и русской топонимии, скрещенной с коми словами, типа *Нижний Чов*, *Мельничный Иб*; он рассматривает названия, возникшие путем калькирования: *Шормодпöв* 'Заручей', *Еджыдъяг* 'Белый Бор' и т. д. А. И. Туркин подробно прослеживает звуковые изменения при заимствовании из русского языка в коми. Анализ указанной группы топонимов приводит его к выводу, что топонимия нижней Вычегды имеет много типов, тождественных с топонимией русской территории Вычегды.

Прибалтийские финны от пермских народов в настоящее время отделены пространством в тысячу километров и в последние столетия пермские народы не имели непосредственных контактов с ними. Однако науке известны многочисленные прибалтийско-финские заимствования в коми-зырянских диалектах, которые говорят о каких-то древних связях между группами этих народов. Соприкосновения между ними начались не позже VIII—IX вв. и продолжались до XVI в. Особенно тесными и постоянными были связи между восточными прибалтийскими финнами (вепсами и карелами) и коми-зырянами. Древние местные названия подтверждают ранее высказанную мысль о том, что вепсы населяли бассейн Вычегды, Сухоны, Северной Двины, Белозерье. Кроме живых лексических заимствований, на нижней Вычегде как свидетельство их пребывания на данной территории сохранились географические названия: *Виледь*, ср. фин. *vilja*, мн. ч. *viljat* 'хлеба, зерно; жито', *Вонга*, ср. фин. *vonkka* 'глубокое место в воде', кар.-ливв. *vongu* 'омут, бухта', кар.-люд. *vonq*, *vonqe*, *bonqe* 'водоворот; глубокое, тихое место в реке' (стр. 191) и т. д. Во всех случаях А. И. Туркин приводит топонимические параллели с мест нынешнего проживания вепсов и карел.

В бассейне нижней Вычегды обнаружено около 40 угорских названий, которые диссертант относит к языку предков современных ханты и манси, известных в летописях как *югра*. Пребывание угров на территории Вычегды установлено достоверно исследованиями археологов и историков. То же подтверждает наличие угорской топонимии на нижней Вычегде, например само название р. Вычегда. Ю. Вихманн и Б. А. Серебrenников пришли к мысли, что первая часть этого названия *выч* связана с хант. *ванджи* и манс. *ванши* 'трава', а формант *-егд(а)* — с манс. *ахт* 'протока'. Следовательно, первоначально гидроним *Вычегда* мог осмысливаться как 'луговая, с травянистыми берегами река'. На территории, интересующей диссертанта, имеются отдельные названия, которые тяготеют к волжским языкам. Таковы, например, р. *Икса*, созвучное с мар. *икса* 'залив, впадающий в берег реки; заводь, затон'. С этим же названием существуют две реки в бассейне Онеги и две в бассейне Оби. С марийскими словами связываются местные наименования озера *Кадам*, мар. *кадама* 'пескарь' и т. д. Связь Севера с волго-окским бассейном находят некоторые археологи (А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, Э. А. Савельева) и языковеды (Б. А. Серебrenников, А. К. Матвеев, И. С. Галкин). А. К. Матвеев находит на севере топонимию волжско-финского типа, напоминающую марийскую, точнее древнемарийскую топонимию. Приведенные А. И. Туркиным материалы убеждают в правомочности этого утверждения (см. стр. 199—203).

Среди своеобразных топонимов нижней Вычегды встречаются и отдельные неясные названия. Так, выделяется ряд гидронимов на *-кõм* (*Буркõм*, *Кõмъяг*, *Кем*, *Кеми* и т. п.), на *-ман*, которые не объяснимы на финно-угорской почве. Подобные топонимы, по-видимому, совершенно справедливо А. И. Туркин относит к дофинно-угорскому субстрату.

Точное картографирование выделенных диссертантом пластов топонимии показало, что зона их распространения в целом совпадает с ареалом прибалтийско-финских, угорских и волжских формантов. Подвергнутый анализу материал говорит о мощном угорском пласте на территории нижней Вычегды, что до сего времени некоторыми учеными ставилось под сомнение.

Четвертая глава (стр. 208—238) знакомит читателя с этимологической интерпретацией формантов. Автор отмечает, что для топонимического исследования, особенно при установлении топонимической стратиграфии, важен формантный анализ названий в диахроническом плане, так как форманты, образуя ареалы (плотные, менее плотные, четко ограниченные и т. д.), могут с исторической точностью указать на этническую принадлежность. Повторяющиеся топонимические форманты нижней Вычегды А. И. Туркин делит на три типа: гидронимические форманты-детерминативы (*-важ* с различными вариантами, *-ёв* ~ *-ев*, *-га* ~ *-юга*, *-юг* ~ *-га* и др.), микротопонимические форманты-детерминативы (*-бар* ~ *-быр*, *-ма*, *-немь* ~ *-мень* и др.) и словообразовательные форманты-суффиксы (*-ас*, *-ла*, *-ёг* ~ *-эг*, *-ёс* ~ *-эс*, *-ч* и др.). При характеристике каждого форманта приводятся этимологии нескольких названий с ним, примеры из других коми говоров, указывается на соотношение названия с типом объекта, отмечаются случаи употребления соответствующего географического термина в роли топонима, прослеживается история изучения каждого форманта, даются фонетико-морфологическая характеристика и его этимологический анализ. Выводы, к которым пришел автор в результате этимологической интерпретации формантов, всесторонне обоснованы и убедительны. Распространение рассмотренных формантов показано на картах № 6, 7, 8. Диссертант в частности отметил, что на нижней Вычегде, точнее по русской ее части, проходит линия распространения прибалтийско-финских формантов *-га* (~ *-нга*), *-бар* (~ *-быр*), *-немь* (~ *-мень*). Она начинается в окрестностях Сыктывкара и доходит до Котласа. Отдельные названия с этими формантами встречаются и за пределами исследуемого региона. По мере продвижения на запад к Северной Двине и Онеге, а также к восточной Карелии, территории прибалтийско-финских народов, количество названий на *-га* (~ *-нга*) и *-немь* (~ *-мень*) увеличивается.

Четко прослеживается ареал угорских формантов *-лук* (~ *-луг*), *-ым* (~ *-им*), *-я*. Первый составляет компактную группу в окрестностях с. Яренска, второй начинается в верховьях Вычегды и тянется до Прикамья и Печоры, переходит Урал; на

юго-востоке названия на *-ым* (~ *-им*) доходят до Поволжья и бассейна Дона, а на северо-западе до Мезени; ареал названий на *-я* охватывает территории Коми АССР, Архангельской, Кировской, Пермской, Свердловской и Тюменской областей.

Линия распространения формантов *-важ* (с вариантами) и *-ёв*, относящихся к волжскому типу, тянется до бассейнов Мезени и Вашки по юго-восточной части Архангельской области (стр. 236—238). В окрестностях Сыктывкара имеется реликтовый островок названий на *-ман* предположительно, по заключению автора диссертации, индоевропейского типа.

Гидронимический формант *-юг* (~ *-юга*) является древней формой коми *ю* (удм. *Ю-шур*) 'река' общепермского периода.

Положительно оценив работу А. И. Туркина, оппоненты сделали ряд замечаний и высказали некоторые сомнения по поводу толкования им отдельных положений.

Бледным, по мнению Б. А. Серебrenникова, выглядит раздел «Волжско-финские наименования» (стр. 199 и далее, карта № 5). Позволим здесь привести дословно выдержку из его официального отзыва: «Север действительно заселялся из районов Средней России. И это положение может быть доказано. Однако этническая принадлежность волго-окского населения этого потока не ясна. Следуя А. К. Матвееву, диссертант утверждает, что на Севере имеется топонимика и гидронимика марийского и мордовского типа. Расшифровка этих топонимов и гидронимов крайне неубедительна, ср. сопоставление названия реки *Икса* с марийским *икса* 'залив'. Этот гидроним встречается во многих местах и даже в Сибири. Название озера *Кадам* сопоставляется непосредственно с марийским *кадама* 'пескарь', ручей *Кутлашор* сопоставляется с марийским *кутла* 'окрестность, местность'. Что это за ручей, текущий просто по местности? Коми-зырянское название гор *Лальска* в виде *Ляй* сопоставляется с мордовским *ляй* 'река'. Никакой связи здесь с мордовским *ляй* нет, так как название *Лальск* происходит от речки *Лала* (стр. 202). Все эти названия единичны. Они не обладают достаточной степенью скученности и частотности, которая давала бы возможность говорить о наличии на Севере в прошлом определенных райо-

нов с мордовским или марийским населением».

Неубедительными представляются толкования гидронимов на *-вож* (с вариантами). *Яреньга*, связываемого автором с фин. *järvi* 'озеро', *Вилядь*, сравниваемого с фин. *vilja* 'хлеб', *Вонга*, *Канза*, *Нянда* и других, также сопоставляемых диссертантом с прибалтийско-финскими словами. Б. А. Серебrenников заключает, что расшифровка топонимов и гидронимов с помощью прибалтийско-финских языков совершенно не убедительна.

Не согласен Б. А. Серебrenников с этимологиями ряда других топонимов и гидронимов, предлагаемых диссертантом.

По мнению Л. И. Калининой, не все этимологизированные из хантынского языка топонимы объяснены верно. Так, гидроним *Угдым*, *Уктым* А. И. Туркин связывает с хант. *йх* 'голова', манс. *о́х*, *а́х* 'гора'; вторая часть остается невыясненной. Л. И. Калинина считает, что лучше сопоставить это название с хант. *эхэт*, *охэт*, *ихэт* (диалектные варианты) 'перешеек между двумя речками, по которому пере-

таскивают лодки; волок, перекат'; Она указывает на широкое распространение этого слова в хантынской топонимии: д. *Угут*, р. *Рыт-охтынг-йыгай*, д. *Охтынурье-пугол*, д. *Охтиурьевские*, д. *Охтурские*, д. *Огот-юганкурт* и т. д. Л. И. Калинина предполагает, что гидроним можно объяснить как причастие на *-м* (*урэта* 'перетаскиваться'). В названиях урочища *Ембок* и рек *Емба*, *Емваль* автор диссертации переводит первый компонент *ем* 'хороший, здоровый', по мнению оппонента, вернее 'священный; святой'. Религиозные термины, как отмечает Л. И. Калинина, довольно часто встречаются в хантынских топонимах, в том числе и компонент *ем*. Сомнительными кажутся ей этимологии некоторых слов, объясненные диссертантом из коми языка, например: *Донашеры*, *Унавож*, *Юрчаково* и некоторых других.

Несмотря на отдельные недочеты, работа А. И. Туркина имеет большое научное значение.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

Т. И. Жилина, В. А. Сорвачева, Образцы коми-зырянской речи [Под редакцией Д. А. Тимушева], Сыктывкар 1971. 312 стр.

В книге приводятся тексты на 10 коми-зырянских диалектах: нижневычегодском, присыктывкарском, верхневычегодском, среднесысольском, верхнесысольском, лузско-летском, вымском, удорском (вашко-мезенском), ижемском и печорском. Большая часть материала взята из фольклора и хорошо отражает диалектную речь. Редактором Д. А. Тимушевым дан перевод на русский язык, сделанный с ориентацией на сохранение художественных достоинств коми оригинала, как это обычно делают фольклористы.

Тексты паспортизированы, т. е. указано, от кого, когда и где они записаны. Большая часть текстов записана авторами рецензируемой книги. Разделы по присыктывкарскому, верхнесысольскому, лузско-летскому и вымскому диалектам составлены Т. И. Жилиной, остальные — В. А. Сорвачевой.

Материал расположен по диалектам; каждый диалект составляет особый раз-

дел книги. Разделы начинаются с характеристики диалекта, которая дана кратко и умело; хорошо отмечены основные особенности диалекта. В начале книги приводится общая характеристика коми-зырянских диалектов. Нельзя считать удачным подразделение коми-зырянских диалектов на южные и северные; к южным относятся среднесысольский и верхнесысольский, а к северным — нижневычегодский, вымский, удорский и ижемский; верхневычегодский и печорский диалекты считаются вновь образовавшимися. В отношении печорского диалекта это верно, но верхневычегодский диалект образовался не намного позже ижемского (а последний авторы книги относят к «старым» диалектам). Лузский диалект, по мнению авторов, совмещает черты северного и южного диалектов. Это неверно: лузско-летский имеет свою специфику в фонетике, грамматике и лексике, отличающую его как от «северных», так и от «южных»